

Дж. УОРД

**<«Никто в России,
полагающий свои личные интересы
на второй план сравнительно
с общественным благополучием,
не будет иметь друзей...»>**

Корреспондент «Таймс» в своей депеше указывал, что Колчак уже знал о том, что должно было произойти в эту ночь в Омске. Я не думаю, чтобы это было так. Он мог лишь догадываться, что нечто очень неприятное носится в воздухе — даже наименее проникательные люди из тех, кто был вне сцены, знали это; но как все должно было произойти, откуда исходили директивы, на кого должно было все обрушиться, было секретом, который знали только немногие, и я убежден, что адмирал не был в их числе, если только не играл второстепенной роли. <...>

Положение диктатора в высшей степени неопределенно. Он издает приказы, но если начальники армий могут уклониться от их выполнения, они делают это под тем или иным предлогом. Русский характер в этом отношении представляет большие особенности. Он повинуетя только одной вещи — а именно силе. Патриотизм и чувство общест-венности, как мы понимаем их, не проявляются в сколько-нибудь крупном размере. Каждый смотрит на всякое распоряжение с личной точки зрения: «Как это коснется меня?» — редко, если и случается: «Как это отразится на моей стране?»

Замечательно, как много успел выполнить Колчак, но казалось, что его карьера вот-вот должна оборваться, несмотря на все предосторож-ности его друзей. А их у него было немного. Да и ни один настоящий диктатор не может на них рассчитывать. Никто в России, полагающий свои личные интересы на второй план сравнительно с общественным благополучием, не будет иметь друзей. <...>

Было очень натянутое положение вещей, когда я 31 января попросил специального свидания с адмиралом Колчаком, чтобы ввести к нему моего коллегу и сотоварища полковника Джонсона и переговорить насчет создавшегося положения. Адмирал прогуливался у берега реки, без всякой свиты, но на глазах своего конвоя, так как помещение, занимаемое им, находилось на берегу реки. Эта была первая прогулка после поправления, и он выглядел вполне выздоровевшим. Разговор естественно повернулся к декларации союзников в пользу большевиков и относительно положения, создавшегося в связи с этим в Омске. Точка зрения адмирала была совершенно проста. «Мы можем говорить и заключить соглашение с каждой партией и правительством из существующих в различных областях России, но пойти на компромисс с большевиками, пожать им руки, сесть с ними и вести переговоры как с равными, с людьми, которые оскорбляют и убивают русский народ, — никогда. Ни одно приличное союзное правительство, знакомое с фактами, не станет ожидать этого».

Я просил его смотреть на вопрос так, как если бы не было никакой телеграммы из Парижа, ибо у меня была уверенность, что должны существовать некоторые пункты, связанные с решением, но требующие дальнейшего выяснения. «Согласен», — сказал адмирал, — «должны существовать некоторые факты, с которыми мы не знакомы, так как, советуя пойти на соглашение с большевиками, британское правительство в то же время продолжает оказывать мне великодушную помощь для русской армии». Я ушел от него вполне удовлетворенным и уверенным, что он еще сохранил свою уверенность в дружбу Англии. <...>

Приготовления были закончены около 21 мая, когда я решил, что готов двинуться в обратный дуть. Верховный правитель удивил меня предложением посетить меня в моем вагоне на станции Ветка и сказать мне последнее прости. В 7 часов пополудни он явился в сопровождении адъютанта; он был очень любезен в своих благодарностях за мои услуги русскому народу. Он сказал, что мой голос, присутствие и влияние помогли лучшим людям сбросить с себя все чувства отчаяния, которые так широко разливались вокруг них. Он не предполагал, чтобы можно было сосчитать все то доброе, что сделано мною, хотя никто так хорошо не оценил этого, как он, после того как сила обстоятельств привела нас в личное общение. Не пытаясь делать оценку его характера, я посмотрел на его визит и слова как на поступок джентльмена и принял их как таковой.

Я мог бы вспомнить, что в последний раз перед тем он посетил меня в те мрачные, полные сомнений ноябрьские дни, когда я, не имевший

ни мысли, ни места в моем сознании для слова «диктатор», вдруг оказался перед тем, кто в этот момент занял такую позицию, и, что еще было более серьезным для меня, оказался принужденным единолично, самостоятельно, без помощи какого-нибудь слова предостережения и совета, немедленно определить не только мою личную позицию, но некоторым образом позицию моей страны в этот последний акт драмы в жизни народа, достигшего отчаяния. Получив однажды мое обещание помочь, он позже уже никогда не оставался без моей поддержки в критические моменты.

